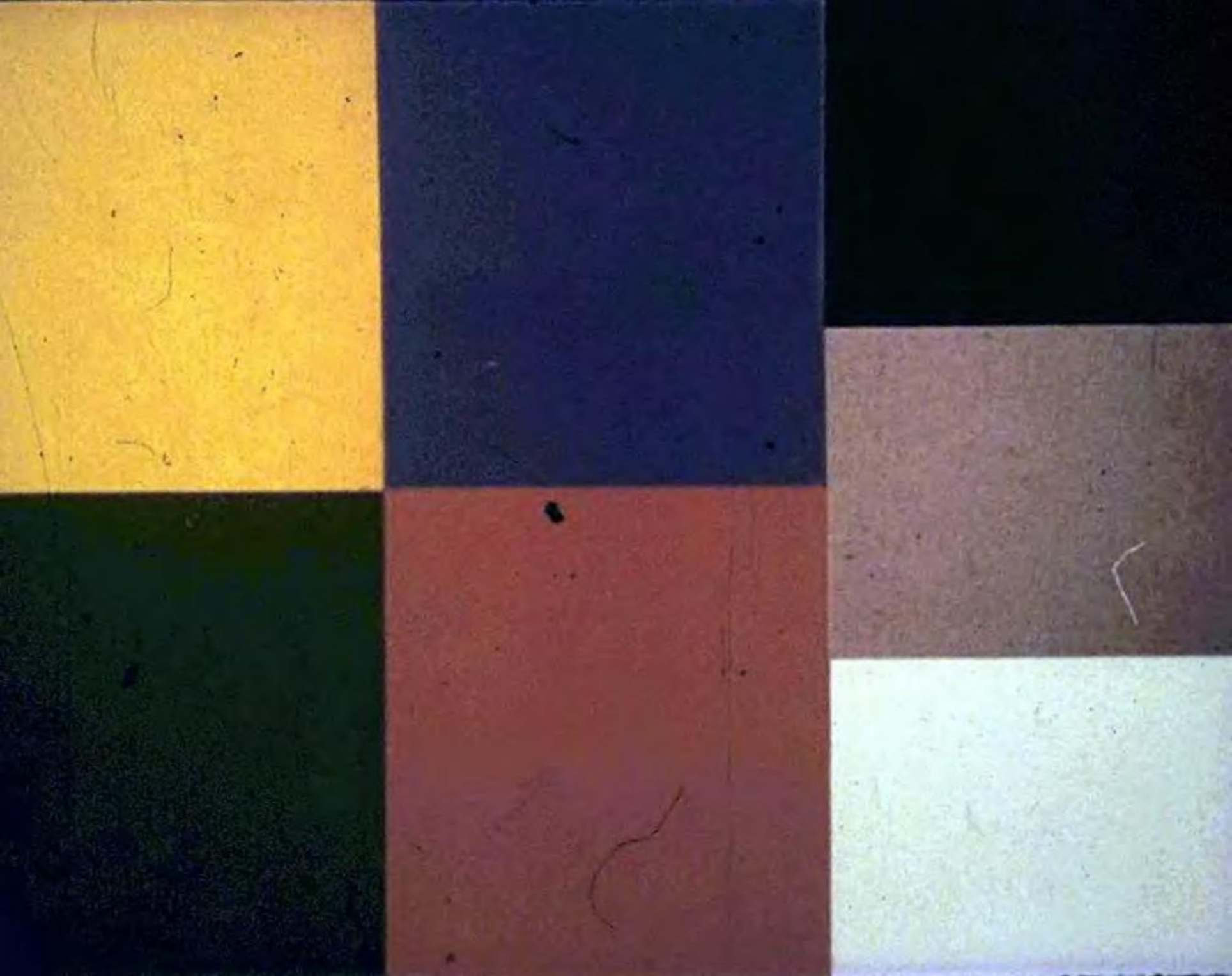

An illustration in a Soviet war style. Three soldiers in dark uniforms and caps are in the foreground. The soldier on the left is looking towards the center. The middle soldier is looking down at a small object in his hands. The soldier on the right is looking towards the center. In the background, there is a silhouette of a machine gun on a tripod and a silhouette of a person crouching or running. The background is a bright orange-red glow, suggesting fire or a night scene with a flare.

О. ТИХОМИРОВ

АРТИЛЛЕРИСТ- ЧАПАЕВЕЦ

Художник Б. Малинковский

В Риге живет бывший чапаевец Вольдемар Мартынович Пурмаль. Сейчас он полковник в отставке, кавалер многих орденов. С вами, ребята, он хочет поделиться своими воспоминаниями.

Нас было три друга, три молодых солдата-латыша—Янко, Карлуша и я. В Москву мы попали в начале 1918 года—доставили орудия с германского фронта. Старая царская армия в то время развалилась, а новая еще не была создана. [3]

В полку нашем почти никого не осталось, поэтому он был вскоре расформирован. Дали нам на руки запасное обмундирование да немного денег из полковой кассы—и ступай кто куда хочет: фабрики и заводы стоят, кругом разруха, голод.

Поехали мы в уездный город Николаевск. Думали там най-
ти работу. И вот, помню, останавливает нас ночью чапаев-
ский патруль: «Документы!»

Достали мы свои бумаги и предъявляем. А на печатях двуглавый орел. Хоть и срезана была над его головами корона, да не обратил на это патруль внимания. «А, контра!— воскликнули чапаевцы.— В подвал их!»

Наутро разобрались, в чем дело, выпустили. Когда накормили нас в солдатской столовой, мы спрашиваем бойцов, какую, мол, вы здесь службу несете. Они отвечают: «Поддерживаем революционный порядок в городе».

«Может, и нас в отряд возьмете?»—спрашиваем. «Вон на доме видите флаг? Там штаб. Идите поговорите с Чапаевым». [8]

Приходим, открываем дверь. За столом сидит человек в папахе—что-то пишет. Мы громко докладываем: «Товарищ Чапаев, прибыли в ваше распоряжение!»

Человек в папахе посмотрел на нас: «Что,—говорит,—шумите? Я писарь, а к Чапаеву пройдите в ту комнату».

Мы—туда. И там сидит человек за столом, тоже какие-то пометки на листе бумаги делает. Мы переглянулись: опять писарь? Докладываем, но уже потише: «Товарищ командир отряда, прибыли в ваше распоряжение». Он молчит. Пишет. III

Мы снова: «Товарищ Чапаев, артиллеристы бывшей царской армии прибыли в ваше распоряжение!» Человек оторвал голову от бумаги. «Артиллеристы?—И внимательно нас разглядывает.—Что ж так тихо докладываете... Артиллеристы мне нужны».

Вышел он с нами к писарю, приказал: «Пиши записку Три-сееву. Пусть проверит».

Батарея чапаевцев в то время состояла всего из двух пушек устаревшего образца, без щитов. Командиром ее был Трисеев. Мы пришли на батарею, смотрим—возле первого орудия копается у прицела какой-то парень в фуражке. [14]

«Первое орудие, огонь!»—скомандовал Трисеев. Орудие молчит. У парня фуражка на затылок съехала, лицо красным стало.

**Командир батареи кричит: «Черт подери! Что тут такое?»
А парень нам: «Я хоть и слесарь, но в этой штуке,—он
щелкнул по прицелу,—не разбираюсь».**

Снова повторил командир координаты. Янко бросился к прицелу, установил все как нужно.

**«Первое орудие, огонь!» Я дернул за шнур. Рухнуло оди-
нокое дерево, стоящее в поле.**

«Кто стрелял?»—прибежал Трисеев. Парень на нас испуганно пальцем показывает: «Эти вот, трое».

**«Молодцы!—заулыбался Трисеев.—Зачисляю вас в орудий-
ный расчет».**

Самый первый бой, в котором мне довелось участвовать как чапаевскому артиллеристу, был бой за хутор Грязнов. К хутору мы подошли тихо, Чапаев развернул пехоту в цепь. ²¹

Как открыли мы огонь по хутору, белоказак в окна, двери
повыскакивали. На коней—и без сёдел, без пик и сабель
удрали в степь. Даже брюки свои с малиновыми лампаса-
ми оставили. Хутор—наш.

А на станции мы захватили блиндированный поезд с четырьмя новенькими пушками и шестью пулеметами «максим». Эти пушки пополнили нашу батарею, ну а пулеметы были отданы пехоте.

В июне 1918 года мы вели наступление вдоль железной дороги на город Уральск. Наступали белоказакам, как говорится, на самые пятки. И вот, помню, настигаем мы вражеский обоз. Меньше версты до него осталось.

На степной дороге хорошо было видно последнюю повозку—рыдван с высокими бортами. Запряжён в неё был совершенно белый как снег верблюд. «Что за чудо?»—удивился Карлуша.

Наши кавалеристы, чтобы отрезать обозу путь, поскакали в обход слева. А белый верблюд, несмотря на все старания ездового, продолжал идти шагом.

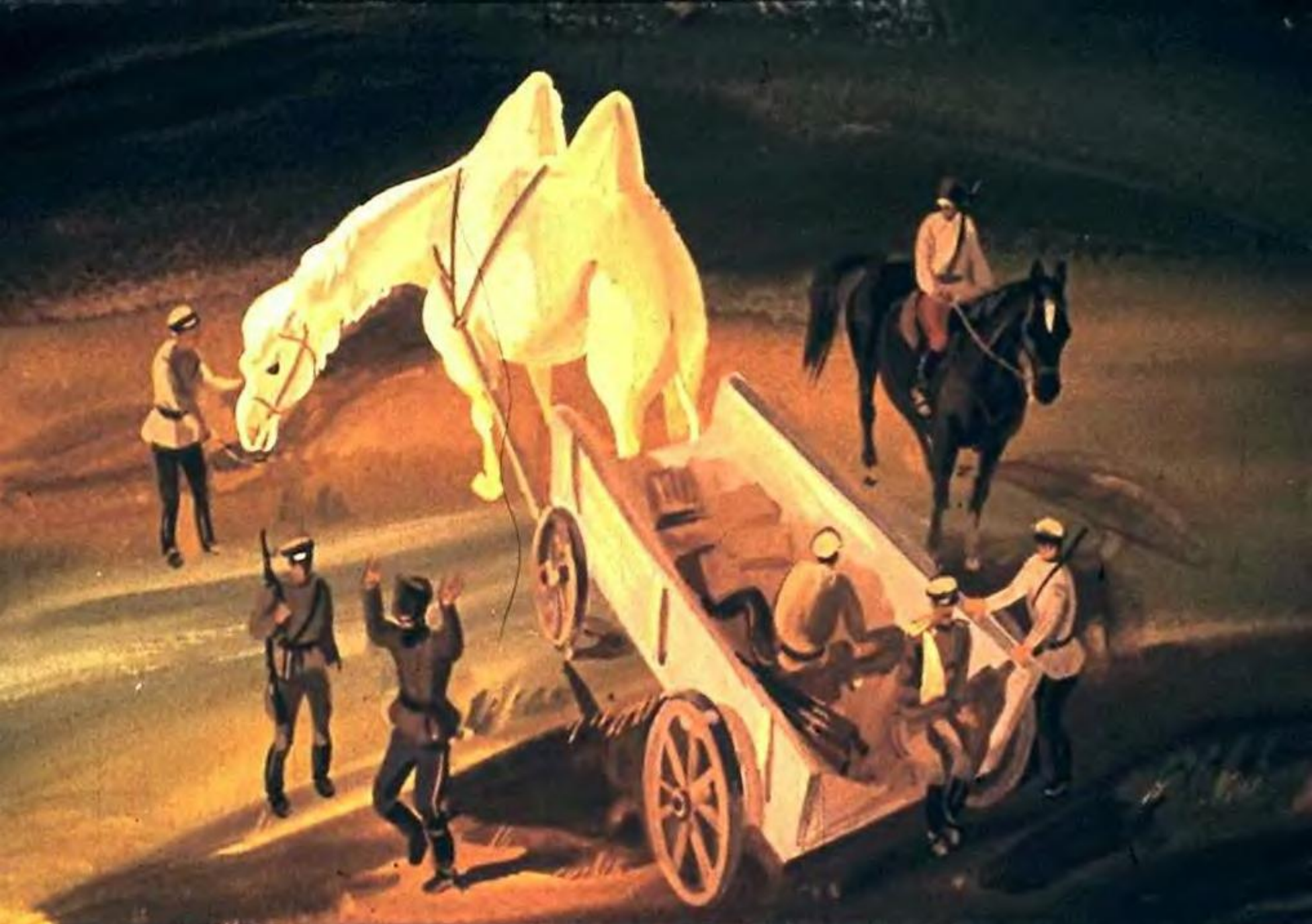
Ездовой рассвирепел, схватил запасную оглоблю и принялся охаживать ею бедного животного.

Белый верблюд тогда остановился и после минутной заминки, развернувшись на сто восемьдесят градусов, рысью понесся навстречу батарее нашего полка.

Подскочив к упряжке первого орудия, он «проговорил» что-то на своем верблюжьем языке и стал, как вкопанный.

В повозке оказались два раненых офицера, три ящика с патронами, винтовки и бочонок солёных арбузов.

Трофеи и пленных мы передали в штаб полка, а красавца-верблюда с его огромной повозкой оставили у себя в батарее—пусть доставляет нам снаряды во время боя.

Верблюда мы окрестили «Яшей-беленьким». Он стал у нас общим любимцем. Каждый хотел покормить его, напоить, дать что-нибудь вкусное. Яша к нам тоже привязался.

Для него не стали выделять ездового: верблюд сам прекрасно усвоил свои обязанности и бесперебойно доставлял снаряды из обоза во время нашей стрельбы.

И что удивительно: чем сильнее вела батарея огонь по белоказакам, тем быстрее, никем не понукаемый, совершал Яша свои рейсы от обоза к батарее и обратно.

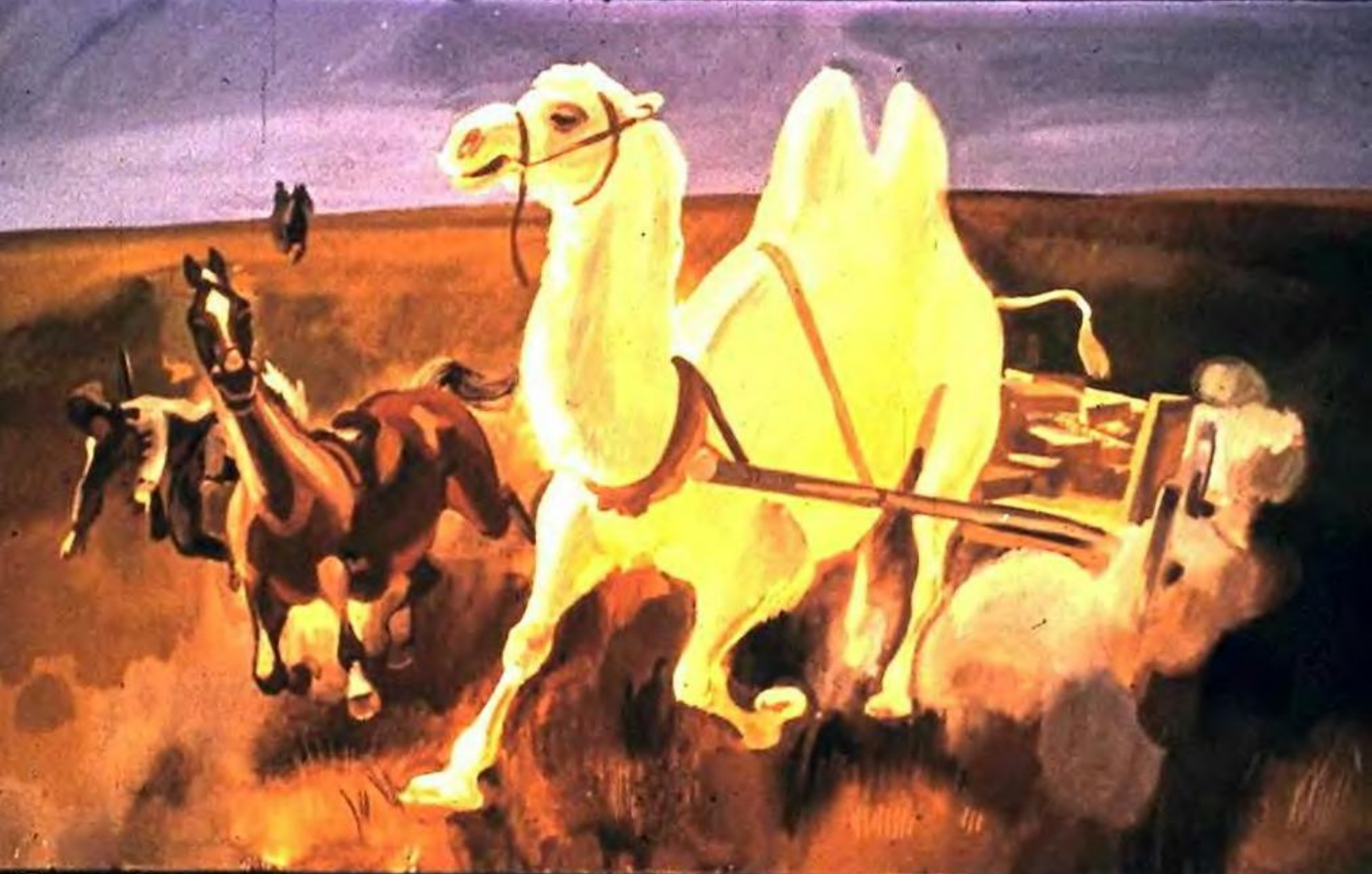
Так протекала безупречная служба Яши-беленького. Но однажды наш полк был внезапно окружен в степи белоказаками. А наши обозы были отрезаны от боевых подразделений. Яша в это время как раз ушел в обоз за снарядами.

Отражая атаки врага, мы почти полностью израсходовали снаряды. Положение становилось тяжелым. Яши не видно, а между нами и обозом, который тоже отбивался от казаков, носились небольшие группы белых.

Мы то и дело оглядываемся: не покажется ли Яша? И вдруг кто-то закричал: «Бежит!» Смотрим: действительно, от обоза отделился рыдван нашего верблюда.

Яша-беленький с высоко поднятой головой, широкой рысью неся к нам на батарею. Белые погнались за ним с криком и гиканьем. Один казак даже выскочил наперерез Яше, но верблюд сбил его вместе с лошастью мощной грудью.

Тогда белые открыли по Яше ружейный огонь. Но тот все продолжал бежать рысью. И вдруг...

...не дойдя до батареи метров триста, лёг.

**Затем встал, медленно подкатил нагруженный снарядами
рыдван к батарее, снова лёг, хрипло прокричал: «Гр...гр...
гр...»—и повалился на бок.**

Мы подбежали к нему: «Яша!.. Беленький!..» На черных глазах верблюда появились крупные слезы.

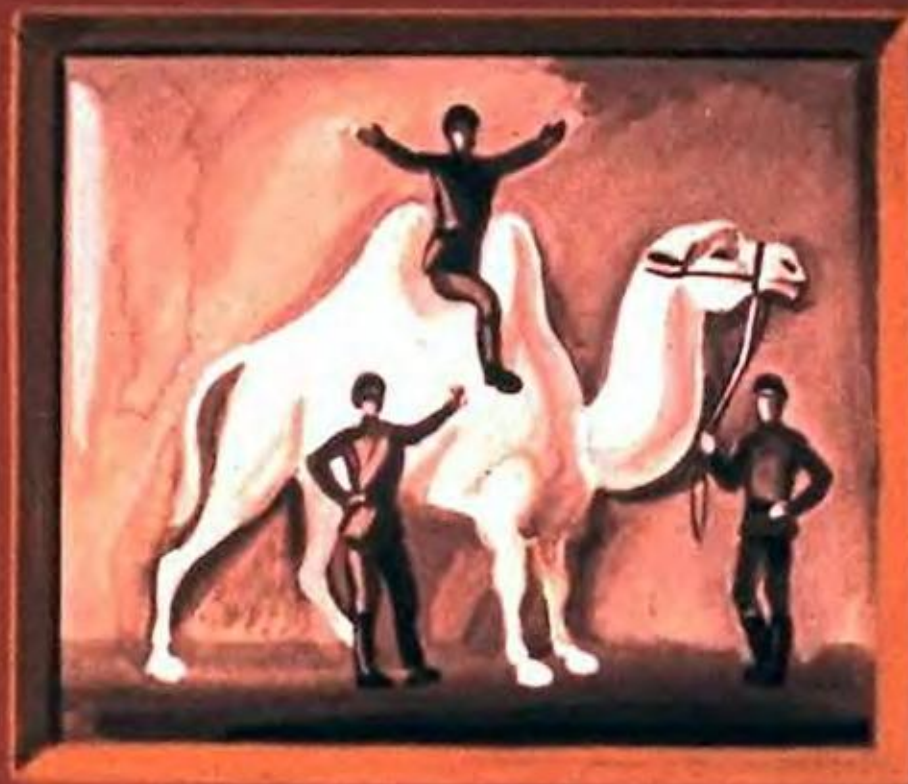
Обливаясь кровью, он вытянул свои могучие ноги, еще раз поднял голову, посмотрел на нас и затих навсегда.

Снарядами, которые он привёз, отразили мы последние атаки белых...

...а потом похоронили своего любимца на месте его гибели со всеми воинскими почестями, с трехкратным ружейным залпом.

К О Н Е Ц

Художественный редактор В. Дугин

Редактор Г. Витухновская

Сканировал Сергей Хрущёв

© Студия «Диафильм» Госкино СССР, 1981 г.
101 000, Москва Центр, Старосадский пер., 7

Д-133-81

Цветной 0-30